

Е. П. Бажанов

Миг и вечность

Евгений Петрович Бажанов
Миг и вечность. История
одной жизни и наблюдения за
жизнью всего человечества.
Том 6. Часть 8. Под другими
знаменами. Часть 9. На
кругосветной орбите

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41856701

*Миг и вечность. История одной жизни и наблюдения за жизнью всего человечества. Том 6. Часть 8. Под другими знаменами. Часть 9. На кругосветной орбите: Дашиков и К^о; Москва; 2017
ISBN 978-5-394-02700-0, 978-5-394-02880-9*

Аннотация

Многотомник «Миг и вечность» посвящен рассказу о жизни и творчестве Натальи Евгеньевны Бажановой – политолога, историка, экономиста, публициста, педагога, дипломата, внесшего выдающийся вклад в изучение международных отношений, мировой экономики, этносов, стран, цивилизаций. При этом, хотя Н. Е. Бажанова находится в центре повествования, акцент сделан также на описание и анализ нашего

многообразного, противоречивого, сложного и очень интересного мира.

Шестой том состоит из двух частей. В части 8 рассказывается о последнем годе существования СССР (1991), перипетиях, выпавших тогда на долю советских граждан, в том числе четы Бажановых. О переходе Е. П. Бажанова на работу в Дипломатическую академию МИД СССР, научной деятельности Бажановых, поездках в Южную Корею и единую Германию. Рассматриваются различные аспекты международных отношений и внутренней жизни многих государств.

Часть 9 посвящена 1992 году, в первую очередь научным командировкам Бажановых в Южную Корею, на Тайвань, в Австралию, Сингапур, Таиланд, Китай, Соединенные Штаты Америки. Включены сюжеты об истории, культуре, достопримечательностях, политике, экономике, науке упомянутых и некоторых других стран. Анализируются становление процесса реформ и внешней политики постсоветской России, ключевые проблемы международных отношений на том этапе.

Содержание

Часть 8	7
Глава 1. На новом месте	7
Глава 2. Научные горизонты расширяются	19
Глава 3. Личная жизнь	45
Глава 4. Очное свидание с Южной Кореей	60
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Евгений Бажанов

**Миг и вечность. История
одной жизни и наблюдения
за жизнью всего
человечества. Том 6.
Часть 8. Под другими
знаменами. Часть 9. На
кругосветной орбите**

*Тот, кто умер,
Но не забыт,
Тот бессмертен.*

*Лао-цзы,
древнекитайский мыслитель,
VI–V века до н. э.*

*И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Константин Батюшков,
1815 год*

Часть 8

Под другими знаменами

Глава 1. На новом месте

5 мая 1991 года был наконец подписан приказ о моем назначении проректором по науке Дипломатической академии МИД СССР. Утром 6 мая 1991 года я сделал в дневнике следующую запись:

Вчерашний день был весьма насыщенным. Утром прошел около часа пешком (в ЦК). Пришел к 9 утра, отдал в печать брошюру по АТР, вернул коллеге книгу «Знахарские рецепты», сделал еще ряд незначительных дел. Побеседовал с Андреем Денисовым, по его словам, в ЦК – мертвое царство, как всегда. К 10 утра был в ДА. Проректор по кадрам Михаил Павлович Емельянов отвел в аспирантуру, к и.о. заведующей Елене Рубеновне. Просидели с ней до часа дня. Она рассказывала обо всех проблемах, я кое-что записывал. В один из моментов зашел М.П., сообщил, что заместитель министра иностранных дел по кадрам В.М. Никифоров согласен меня принять, будет приказ.

Мы же продолжили с Е.Р. беседу. В очную аспирантуру

мидовцы идут плохо, так как теряют в деньгах и вроде бы в карьере. «Внешников» набирают без энтузиазма – должны быть мидовцы. У меня (в документах так зафиксировано) два аспиранта: Шеховцев и Мальшиев, а я думал, что второй отпал.

К 14:00 направились с М.П. пешком в МИД. Помощники Никифорова встретили радушно (Сергей Гавриков, которого знаю давно, и второй, молодой и очень симпатичный, парень). Появился и В.М. Позвал к себе. Беседа короткая. Приказ он при мне подписал. Выяснилось только, что ранг посланника пока не присвоили. М.П. сказал, что в ближайшем будущем. Как всегда! У меня без приключений не бывает.

Вышел к помощникам и вновь побеседовал с ними. Сергей Гавриков признался, что, когда меня в 1973 году направили на работу в Сан-Франциско, он от зависти чуть не свихнулся, потерял сон. Теперь же Сергей выражал удивление, что я покидаю ЦК, да еще не за кордон еду, а направляюсь в Дипакадемию. Разъяснил, как мог, хотя тут же закрались сомнения: то ли я делаю?

После Никифорова зашел в мидовские кадры, поговорил с ребятами, курирующими ДА и МГИМО. Услышал дельные мысли и советы. Вернулись пешком в Академию. Заговорили о зарплате. Она будет повышена, но позднее. Пока же у меня, видимо, 550+70 (ранг)+125 (преподавание). Надо разобраться с языком. Торкунов Т.¹ говорит, что я могу полу-

¹ Первый проректор МГИМО, с 1992 года – ректор МГИМО.

чать 100 руб., даже не сдавая экзамен на языковую надбавку (есть якобы такое постановление). Необходимо уточнить.

Завершив дела, бросился искать мою Лапочку, Натуленьку. Она к 2 пошла к зубному, а затем должна была попасть к Постовской. Не нашел, решил вернуться домой, искать ее оттуда (там же машина). Стал звонить врачам. Один за другим говорили, что только ушла. Наконец Котик позволил – он освободился и находится у Н. Абакумовой. Врач Постовская сказала, что необходимо после праздника ложиться на операцию. Мне стало дурно.

В 19:45 заехал на Сивцев Вражек, в наше обычное место, прихватил Воробышка. Поехали к Н. Грешных за присланным из Нью-Йорка телефоном. Далее – к теще Нине Антоновне, встретили ее у Кутузовского, 26, взяли с собой, и домой.

Вечером звонили в разные места, я наладил (частично) новый видео. Весь был и остаюсь на взводе. Лег почти в 12, снились тревожные сны, проснулся в 5 утра, провалялся до 6. Сделал на улице зарядку, 20 мин. Сейчас буду будить Натюлю.

К Наташенькиным проблемам со здоровьем я вернусь позднее, а сейчас опишу первые впечатления от нового места работы.

После ЦК КПСС Дипакадемия выглядела не очень здоро-

во. Основное здание по адресу Остоженка, 53/2 ранее принадлежало МГИМО. Как рассказывалось в томе 1 этого многотомника, именно там прошли наши первые с Наташей студенческие годы (позднее факультет перевели в Николощеповский переулок, у метро Смоленская, где сейчас располагается поликлиника МИД России). Остоженка хотя и вызвала на первых порах ностальгические чувства, но одновременно разочаровывала потрескавшимися стенами, запыленностью, допотопной мебелью, перекошенными оконными рамами. А столовая к тому же шокировала неприятными запахами, алюминиевыми приборами, некачественной пищей.

Мое рабочее место находилось, однако, в Большом Козловском переулке у метро «Красные Ворота». Ранее там размещалась вся Дипакадемия, но к 1991 году в Большом Козловском оставалась лишь ее научная часть. Мы располагали довольно большой и уютной зеленой территорией с тремя зданиями. В первом, старом особняке, был мой кабинет. Особняк имел на первом этаже залы с великолепной резной мебелью, инкрустированными и с росписью потолками. Но мой и другие кабинеты на втором этаже больше напоминали «Воронью слободку» из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова. Особняк не ремонтировался лет пятьдесят, электропроводка пришла в негодность, с потолка свисали куски штукатурки, пол под ногами ходил ходуном.

Далеко не все в порядке было и в деятельности Дипа-

кадемии. Учебный процесс худо-бедно, но теплился: МИД продолжал направлять в ДА на переподготовку и повышение квалификации сотрудников среднего звена, у нас учились также депутаты Верховного Совета, представители других властных структур из РСФСР и ряда других союзных республик. А вот с наукой дела обстояли хуже. В Большом Козловском базировался Научно-исследовательский отдел (НИО), насчитывавший несколько десятков сотрудников. У них уже много месяцев не было начальника, отсутствовал план работы. Большинство ученых мало что делали, лишь изредка появляясь на службе. Более активное меньшинство писало справки в МИД и статьи в прессу, устраивало семинары, но все это без какой-либо системы, направляющей руки, контроля.

Ректор дал мне указание лично возглавить НИО. В прошлом, пояснил он, отделом руководил другой человек, в итоге между проректором по науке и заведующим НИО возникали конфликты, причем проректор оказывался, как правило, в проигрыше, ибо не имел подчиненных, на которых мог бы опереться. Наряду с НИО, ректор велел усилить внимание к научной деятельности кафедр, «близкой к нулю».

Я был представлен научному коллективу, после чего немедленно оказался в окружении ряда научных работников. Каждый из них тащил меня к себе в кабинет для «продолжения знакомства», а на самом деле для изливания накопившихся обид в отношении коллег. Уже в первый рабочий

день я услышал, что такой-то ученый – «дурак» или «наглец», «хам», «бездельник», «пустомеля», «стукач» и т. п.

И эти откровения, и отношение многих членов коллектива к своим обязанностям были для меня непривычными, вызвали недоумение, а то и растерянность. Преодолеть трудности помогал ректор, Олег Герасимович Пересыпкин, человек опытный и мудрый. На мои жалобы, что народ нерегулярно ходит на работу, Олег Герасимович отвечал:

– Знаешь, Дипакадемия не ЦК КПСС и не МИД, раз человека нет на месте, значит, это в данный момент и не требуется!

Вскоре от ректора последовал еще один ценный совет. Я посетовал, что сотрудники не подготовили как следует зал для проведения конференции. О.Г. вразумил:

– Запомни, пока ты сам не расставишь стулья, столы и стаканы для воды, никто этого не сделает. Не полагайся на окружающих!

Логично звучали и многие другие наставления ректора. Например, посылать в командировки за границу молодежь, «старики уже наездили, а молодым надо создавать стимулы для работы в научной сфере». Или: «сосредоточить усилия на зарабатывании денег, без них Дипакадемия зачахнет». Когда кто-то из недругов делал ректору и всей Академии очередную гадость, Олег Герасимович спокойно говорил: «Мы незлопамятные, но все помним».

В целом О.Г. Пересыпкин умело руководил сложным,

амбициозным коллективом в столь трудный период, когда трещала по швам государственная машина СССР со всеми ее бесчисленными винтиками, включая Дипакадемию. О.Г. окружил себя преданными проректорами (помимо меня, это были проректор по учебной работе Наталья Петровна Гераскина, проректор по кадрам Михаил Павлович Емельянов, проректор по хозяйственным вопросам Владимир Николаевич Рудаков). Заведующие кафедрами (за редким исключением) тесно сотрудничали с ректором.

Что касается меня, то я в другие дела не лез, сосредоточился на науке. Пытался придумать, чем бы занять коллектив НИО, поощрял написание аналитических справок в МИД, организацию конференций и ситанализов, развитие международных контактов.

Вот как комментировал я первые шаги на своей новой работе в дневнике:

9 мая 1991 года

Только сейчас отошел от бурных первых дней на новой работе. 6 мая ректор представил меня сотрудникам ДА на Б. Козловском. Коротко изложил мою биографию, отметил, что меня с трудом отдали из ЦК. Затем он уехал, а мы с коллегами переместились в мой кабинет. Заведующие подразделениями, М.П. Емельянов и я поговорили о задачах и проблемах. Зашел в кабинеты, познакомился с рядом людей,

услышал массу критики сотрудников в адрес друг друга.

После обеда направился на лекцию на Остоженку. Явились только трое, причем двое запросились на встречу с маршалом Ахромеевым. Лекции в итоге не было. Домой вернулся к пяти, измотанный встречами и впечатлениями.

7 мая, во вторник, я пребывал на работе в относительно-спокойствии, ибо был неприсутственный библиотечный день. Стал перебирать багаж, оставленный предшественником: справки, доносы, договоры с иностранными институтами, анкеты. Просмотр занял полдня, но не прочел и десятой доли материалов. Из стенного шкафа выбросил газеты и прочую макулатуру, даже не разбирая. Нет сил во всем копаться.

В полдень уехал на обед в пресс-центр МИДа. Пригласил ректор. Присутствовали ректор, Шустов (руководитель Научно-координационного центра в МИДе), я, зав. меж. отделом А. Гордиевский, зав. кафедрой немецкого языка Н.Д. Иващенко и гость: директор гамбургского института «Хаус Рисен» господин Мёллер. Очень забавный, полный энергии, юмора и начисто лишенный научности. Институт – это скорее общество «Знание». Конференции, семинары, встречи. Отчеты о мероприятиях публикуют, но большие никаких печатных материалов. Мёллер хвастается тем, что ничего не читает – минимум газет, тем более книг. Все, мол, устаревает. Собраться, поговорить – это то, чем, как он считает, следует заниматься.

После обеда зашел в здание на Остоженке, познакомился еще с рядом людей и вернулся домой.

8 мая с утра отправился записывать круглый стол по Китаю на радио. Партнеры – Владимир Георгиевич Пасько (журналист) и Всеволод Иванович Совва (из МИДа). Писали минут 40, надо сжать до 30. Пойдет 10 мая в 15:30. На обратном пути заехал в ЦК, повидался с друзьями, взял из печати часть работы по АТР (62 стр.). И в ДА. Там на меня хлынул поток людей.

В 14:00 пришел Мёллер, состоялись переговоры. Договорились, что немцы в этом году пригласят ректора, группу молодежи (совместно с МГИМО), кого-то на ежегодную конференцию в октябре, сами приедут в сентябре в гости в МГИМО на 2,5 дня, встретятся и с нами. В следующем году примут группу ученых, а главное, молодежь (2–3 группы). После ухода немца встретился с сотрудниками Центра конфликтных ситуаций. Общались 2 часа. Масса жалоб, проблем, непонимания. Устал чертовски, никуда не успел позвонить.

13 мая 1991 года

12-го утром направился в ЦК, занимался брошюрой по АТР. Добил ее и сдал в изд-во «Знание» вместе с брошюрой по Дж. Неру. С 15:00 был на работе, а там непрерывные беседы с людьми. Не смог даже на секунду оторваться. До-

мой вернулся к 8 вечера. Постепенно узнаю коллег и их наклонности. Все мотаются по заграницам.

18 мая 1991 года

Неделя получилась бурной – люди, беседы, экзамены, прием в китайском посольстве от имени Цзян Цзэминя (чокнулся с ним), пресс-конференция китайского лидера в пресс-центре МИДа, поход с южнокорейским журналистом Ким Ен Маном в Кремль к Г. Янаеву, выпивка с Кимом и его друзьями Ли и Чжо у нас, настойчивые звонки Бэнга из Казахстана.

Нервничаю из-за желания добиться улучшения в работе Дипакадемии. Волновался на заседании Ученого совета. В. Денисов передал сплетни обо мне. Профессор В.Б. Воронцов считает, что я еще не созрел до проректора, надо было, мол, начать с руководства кафедрой. Целую неделю не писал, забросил творчество, но вот сегодня «выдал на-гора» статью. Завтра займемся с Натудей статьей по бизнесу.

Моя стартовая зарплата будет более 1 тыс. рублей. С новыми ценами это ничто.

22 мая 1991 года

Вчера отвез наконец в Дипакадемию материалы. Стал

систематизировать находящееся в кабинете по полкам. Перестал суетиться, хвататься за все подряд. Подготовил приказ по учебнику по истории международных отношений, поработал над запиской Э.И. Скакунова о конфликтах, принял С. Григорьева, уехал на Остоженку. Там – экзамен у аспиранта по шведскому языку, потом опять записка Скакунова. Беседа с ректором, аспирантура. Заехал домой и отправился в Спасо-Хаус (резиденцию американского посла).

Прием для участников семинара высшего дипсостава Госдепа. На самом деле в этом семинаре участвуют представители различных ведомств. Я, в частности, беседовал с пилотом ВВС США. Приятный парень, очень умно говорящий о протестантской этике, морали и подобных категориях. Семинар рассчитан на год с интенсивными поездками по свету, в том числе в СССР: Ленинград, Москва, Тбилиси. Интересно: летчик сообщил, что в их группе из 31 человека только двое курят. В ВВС в целом почти никто не курит и не пьет. Правило для тех, кто все же пьет, – за штурвал не садиться, пока не прошло определенное (и значительное) количество времени после приема алкоголя.

На приеме была именитая и совершенно иная (если сравнивать с китайским посольством) публика. У китайцев «тусуются» цековцы, здесь же: Шаталин, Шмелев, Калугин, Боровик, Березков, Коротич, прочие либеральные звезды нынешнего Советского Союза. Я беседовал лишь с ректором МГИМО А.И. Степановым и рядом американцев (один

оказался китаистом, работавшим в 1980-е годы в Пекине).

Сегодня опять масса дел. С Наташенькой должны ехать вечером в комиссионный. А до этого круглый стол и встреча с вчерашними американцами.

Глава 2. Научные горизонты расширяются

Что касается Натули, то она продолжала плодотворно трудиться в Отделе Кореи и Монголии Института востоковедения АН СССР. Основное внимание по-прежнему уделяла исследованиям в области корееведения. Работала над книгой, посвященной внешнеэкономической политике КНДР, на базе своей кандидатской диссертации. К тому времени тему рассекретили и диссертационные материалы можно было использовать в открытой публикации. В 1991 году увидела свет коллективная монография «Корея и Россия. На встречу XXI столетию», подготовленная под эгидой крупнейшего «мозгового центра» Южной Кореи – Института им. короля Сечжона. В престижный сборник вошли две Наташины главы: «Политика СССР в отношении Южной Кореи при М. Горбачеве» и «Северная Корея и отношения между Сеулом и Москвой» общим объемом 6 печ. л. (ок. 150 с. машинописного текста).

Главы были настолько фундированными, основанными на документах, впервые введенных в научный оборот, и настолько аналитичными, что немедленно привлекли внимание международных научных и журналистских кругов, да и политиков тоже. Эти работы Н.Е. Бажановой повсеместно цитируются на протяжении десятилетий. Так, известный

американский журналист, редактор, автор десятков бестселлеров по международным проблемам Дональд Обердорфер в книге «Две Кореи»² многократно упоминал Натальины труды, при этом не скупясь на комплименты. Он, в частности, подчеркивал: «Наталья Бажанова, российский эксперт по корейским проблемам, использовав государственные и партийные архивы СССР, подготовила выдающийся научный труд «Северная Корея и отношения по линии Сеул – Москва», который должен стать отправной точкой при анализе событий на Корейском полуострове в 1970–1980-х годах»³.

Ведущий японский кореевед Харуки Вада, в свою очередь, характеризовал Наташины исследования отношений в рамках треугольника СССР – КНДР – РК как «абсолютно пионерские, в высшей степени глубокие и прозорливые», как «главный источник по изучению современных международных отношений на Дальнем Востоке», как «кладезь уникальной информации по объяснению видения внешнего мира из Москвы»⁴.

Японская телекомпания NHK, упорно добивавшаяся Наташиного участия в многосерийном фильме о Корее, в бесчисленных письмах к ней неизменно ссылалась на профессиональное мнение ведущих экспертов мира: Н.Е. Бажанова

² See: *Oberdorfer Don*. The Two Koreas. New York: Basic Books, 2001.

³ Ibid. P. 481.

⁴ *Haruki Wada*. Russia and the Korean Peninsula. Tokyo: University of Tokyo press. 1996. P. 5, 8, 11.

должна стать главным действующим лицом данного проекта (по ряду причин исследовательница отказалась).

В 1991 году Наташа опубликовала также десять статей по Корейской проблематике, причем девять – в ведущих корейских изданиях. Одна из этих статей – о Корейской войне 1950–1953 гг., основанная на уникальных архивах, – стала «бестселлером» в Южной Корее! Появилась Натулина статья по Корее и в знаменитом востоковедческом журнале «Эйша Сёрвей», издаваемом Калифорнийским университетом, в который пробиться архисложно даже самым маститым ученым⁵.

Кроме того, из-под пера моей жены вышло четыре статьи по общеазиатским проблемам (три – в СССР, одна – на Тайване), одна статья – по Китаю (в центральной советской газете «Правда»), две статьи – по советской внешней политике и статья (в двух частях) о деловом климате в Советском Союзе. Эта последняя статья может быть интересной широкому читателю, поэтому помещаю ее здесь.

⁵ See: *Natalia Bazhanova. Soviet Views on North Korea: the Domestic Scene and Foreign Policy // Asian Survey. Berkeley (California, USA), 1991. Vol. XXXI. No. 12. Dec.*

СПЛОШНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ЗАГАДОЧНОЙ СТРАНЕ.

ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКИЙ РЫНОК ИЗ АЗИИ

**(Опубликовано в газете «Известия»
9 и 10 августа 1991 г. С. 5)**

Несмотря на благоприятные изменения в Советском Союзе за последние годы – принятие первых стимулирующих деловую активность законов, сокращение числа бюрократических барьеров, появление новых советских партнеров, – иностранный капитал все еще проявляет явную сдержанность на нашем рынке. Это относится в равной степени к предпринимателям Европы, Америки, Азии. О причинах такой пассивности деловые люди довольно откровенно рассказывают своим советским партнерам и знакомым. Наиболее типичные примеры соприкосновения с нашей экономической и политической действительностью бизнесменов из Азии собраны в статье специалиста по странам Дальнего Востока Н.Е. Бажановой.

...Поезд, стартовавший из Пекина, приближается к советской границе. Сосед по купе, сингапурский бизнесмен, с жадным любопытством вглядывается в окно и улыбается. Вот он и добрался до далекой России! Пять минут спустя, однако, благодушное настроение гостя испаряется. Офицер-пограничник после длительного изучения сингапурского паспорта сурово скомандовал его обладателю следовать к выходу. Состав не доехал до перрона с полкилометра, и вот на глазах у всех пассажиров вооруженный конвой повел соседа по шпалам к зданию вокзала. Позднее, во время прогулки, мы видели сингапурца сидящим под охраной у двери комендатуры. А затем ждали его в поезде, отход которого откладывался и откладывался. Вернулся попутчик бледный и дрожащий словно осиновый лист.

Как выяснилось, советское консульство за рубежом, не учтя изменений в местном железнодорожном расписании, проштемпелевало дату въезда в страну днем позднее, чем это произошло фактически. На этой пограничной станции подобное случалось и раньше. И тем не менее к пострадавшему сингапурцу отнеслись как к опасному преступнику.

Пример приведен отнюдь не для того, чтобы заклеить кого бы то ни было. Он лишь свидетельство значительных различий в нормах человеческих взаимоотношений между нами и внешним миром. Различий, затрудняющих и тормозящих деятельность иностранного бизнеса на советской территории. Ведь суть не в том, что с сингапурцем разбирались

пограничники (так оно и должно быть), а в формах и методах разбирательства. «Культурный шок» – подобным образом характеризуют соприкосновение с нашими реалиями многие азиаты. «Шок» начинается на границе, каким бы видом транспорта иностранец ни прибыл в СССР.

Южнокорейского коммивояжера потрясло освещение в аэропорту Шереметьево. Там было такое затемнение, удивлялся он, как при воздушных налетах на Сеул в Корейскую войну 1950–1953 годов. Дальше – больше. В фойе московской гостиницы «Белград» незадачливого иностранца поджидали два дюжих милиционера. Придержав его за фалды костюма, они потребовали пропуск. Потенциальный постоялец пытался сопротивляться, и тогда стражи порядка обнажили резиновые дубинки. В ходе последующего разбирательства милиционеры возмущались. За кордоном, мол, полицейских уважают, а здесь иностранцы что хотят, то и творят.

Южнокореец, в свою очередь, не мог взять в толк происшедшего. «Я посетил более сорока стран, – жаловался он, – и повсюду меня встречали у входа в отель улыбками и поклонами. Здесь же решили «поприветствовать» дубинками».

Недоразумения возникают и на сугубо личном уровне общения. Азиаты не терпят физического контакта. Достаточно похлопать гонконгца или тайландца по плечу, погладить по голове, как под угрозой может оказаться выгодная сделка.

Столь же непозволительно не прочесть внимательно полученную визитную карточку, класть ногу на ногу, съедать всю пищу на тарелке, опаздывать. Поосторожнее следует быть с подарками. Если вы, например, преподнесете белые гвоздики китайцу, то он расстроится – в его стране белый цвет символизирует смерть, траур. В то время как в Европе рекомендуется развернуть подарок, в Азии так поступать неприлично.

Этикет, конечно, претерпевает изменения, но где-то в подкорке сознания азиатов старинные традиции продолжают существовать, пусть и в смягченной форме. В Азии любят кланяться, придерживать одной рукой другую при чоканье бокалами и при рукопожатии, молчать при разговоре старших по чину, обращаться к вышестоящим при помощи особых супервежливых оборотов речи. Не очень рационально посылать на деловые переговоры в страны Востока женщину.

Сервис со шваброй наперевес

Культурные различия далеко не главный камень преткновения на пути делового сотрудничества. Посланцев Азии, как и вообще иностранцев, пожалуй, больше обескураживает советский сервис.

Знакомый японец рассказывал, что ему в некотором роде повезло – подвернулся случай, который помог сразу ухватить суть психологии работников нашей сферы обслуживания. Он встал в уличную очередь в

винный магазин. Там был перерыв. Женщина моет шваброй пол, похоже, готовится к встрече покупателей. Но вот часы показали 14:00, пора возобновлять торговлю. Этого, однако, не происходит. «Авангард» очереди барабанит по стеклу. Откройте, мол. Барабанят минут пять. Уборщица и ухом не ведет, все пол в порядок приводит. Очередь волнуется и сильнее бьется о стекло, кричит. И тут у женщины сдают нервы. Она распахивает дверь и дубасит шваброй передних очередников. Досталось и японцу, который в результате хорошо усвоил, что для советских тружеников сервиса клиенты – назойливые мухи. Их терпят до определенного предела, затем от них отмахиваются, а если и это не помогает, тогда мух норовят прихлопнуть.

И все же и японец, и другие иностранцы не перестают удивляться. Почему, например, на рынках с них в обязательном порядке взимают двойную плату? Да что там на рынках! Наше государство получает от зарубежных гостей за пользование гостиницами и транспортом по тарифу, в несколько раз превышающему обычный. Гостям объясняют: за границей отели и транспорт очень дорогие, советские люди вынуждены выкладывать за них кругленькие суммы, извольте и вы.

Подобная аргументация выглядит для чужеземцев странной, а условия, в которые их ставят в СССР, воспринимаются как дискриминация. А что если Япония или Сингапур, например, примут в отношении

наших командированных и туристов ответные меры? Скажем, запретят покупать тысячи вещей, которые японцы или сингапурцы не могут приобрести в советских магазинах? Введут ограничения на пользование хорошими дорогами, утоление жажды высококачественным пивом, посещение чистых туалетов? Или вообще не позволят что-либо приобретать без томительного ожидания в очередях?

Дело не только в дискриминации, добавляют азиаты, но и в отсутствии элементарной логики. Прекрасно известно, что советские гостиницы, рестораны, поезда и самолеты по качеству сервиса нельзя даже сравнивать с зарубежными. Как же можно брать по 100–200 долларов в сутки за гостиничный номер, в котором проживают тараканы и клопы? Позволительно ли требовать высокую плату в ресторанах, где официанты пьяны и грубы, где в меню почти ничего нет, а в качестве салата подаются объедки? Где на просьбу принести лед метрдотель отвечает, что на дворе лето и откуда же в жару взяться льду?

Предприниматель из Гонконга остановился не так давно в лучшей ведомственной гостинице Москвы. Номер – 200 долларов в сутки. В первый же вечер гость, как он привык это делать повсюду, заказал ужин в номер. Принесли. На следующий вечер опять заказ. Администрация вскипела: один раз сделали уступку, так клиент уже на голову садится! Пусть спускается в ресторан или убирается из отеля! Гостиничное начальство возмущалось так, как будто не ведало, что

подача еды в номер не является ни уступкой, ни вообще чем-то экстраординарным.

Не менее суров сервис Аэрофлота. По сообщению южнокорейской газеты, бизнесменам из этой страны пришлось в Хабаровске самолично втаскивать чемоданы в багажный отсек самолета. Так распорядилась стюардесса. А южнокорейцы ведь даже теоретически не представляли, что подобное возможно. Еще одна проблема для иностранцев – утомительные поиски жилья. Очередь на получение помещения от местных властей для них покороче, чем для советских граждан, но 2–3 года ждать все-таки приходится. Даже южнокорейского чиновника, прибывшего в СССР для реализации трехмиллиардного займа, который Сеул предоставил Москве, попросили влиться в ряды ожидавших квартиру.

Сервис, конечно, может измениться в лучшую сторону, если на прилавок выложить доллары. Группа тайваньских бизнесменов к своему удивлению обнаружила, что в любой захудалой московской забегаловке можно чуть ли не ящиками и по бросовой цене закупать из-под полы черную икру. Естественно, при оплате товара в твердой валюте. Доллары, говорят, требуют от иностранцев даже представители ГАИ, устраивающие засады на выпивших водителей в районе популярных московских ресторанов...

Пугало гражданской войны

Пока речь шла о наших культурных особенностях и негодном сервисе, которые усложняют жизнь иностранного предпринимателя. Но настоящий бизнесмен готов с подобными трудностями мириться. Если он чувствует выгоду, то способен и на гораздо большие подвиги – и по кишащим тиграми джунглям продираться, и сырыми кузнечиками питаться. Главное – конъюнктура рынка. Какова же она в СССР?

Основополагающим условием является политическая стабильность. Если в какой-то стране идет война, ни один солидный банк не согласится кредитовать там сделку, ни одна страховая компания не выдаст на нее полис. Сингапур, Южная Корея, Малайзия и другие государства, добившиеся в последние годы крупных экономических успехов, первым делом постарались стабилизировать внутреннюю ситуацию и убедить в безоблачности своих политических перспектив потенциальных инвесторов. Кое в чем они даже лукавили, пряча изъяны от чужих глаз.

Нам похвастаться в этом смысле нечем. Ежедневно газеты приносят тревожные новости то с армяно-азербайджанской границы, то из Прибалтики, то из Молдовы, Осетии, Таджикистана... «Такого букета противоречий, как в СССР, – заметила одна гонконгская газета, – больше нет нигде.

Тут вам и этнические конфликты, и классовая борьба, и идеологические схватки, и национально-освободительное движение, и драка за власть без правил, и экологическое противостояние, и нецивилизованный дележ экономического пирога... И чего еще только в СССР нет!»

Но нашим политическим деятелям, видимо, мало того, что уже есть. С экранов телевизоров они наперебой предрекают еще большие напасти. Вспомним недавние выборы Президента России. Жириновский предупреждал, что если его не изберут, гражданская война неизбежна. Сторонники Ельцина соглашались, что такой печальный исход неминуем, но в случае неизбрания российским лидером Бориса Николаевича. Тема гражданской войны не сходилась с уст остальных кандидатов. О ней твердят теперь столь много и смачно, как еще недавно делали это по поводу приближающейся эры коммунистического рая.

Советские граждане могут воспринимать кликушества как болтовню ради красного словца или просто надеяться на лучшее. Ведь мы здесь живем, деваться все равно некуда. Но японец или тайланец, во-первых, не в состоянии понять – пустословие это или реальное будущее для СССР. А, во-вторых, какой им резон рисковать, испытывать судьбу? Обитают они в другом месте и разумнее там оставаться, наблюдая за развитием событий в Советском Союзе издалека.

Под стать политической и экономической ситуация в СССР. Делать бизнес в стране с разваливающейся

экономикой и драконовскими законами архисложно. Скажем, бизнесмен желает продать нам товар. Потенциальных импортеров хоть пруд пруди, но они предупреждают: «Валюты не имеем!». Иностранец начинает искать на советском рынке товар в обмен на свой. Кроме сырья (нефть, уголь, лес), ничего путного он не находит. Но снова загорается запретительный красный свет: бартер запрещен, вывоз сырья жестко лицензируется. Заморский купец вздыхает и соглашается принять оплату рублями. Выясняется, однако, что и рубли вывозить противозаконно. У уважаемого представителя сингапурских деловых кругов таможенный инспектор недавно изъял «сверхнормативные» 50 рублей, позволив прихватить с собой за кордон лишь 40. Пугающее впечатление произвело на иностранных контрагентов придание экономических функций правоохранительным органам. Ну, спрашивается, какой здравомыслящий бизнесмен променяет, скажем, процветающую, идиллическую Швейцарию на страну, где спецслужбы могут, когда пожелают, врываться в штаб-квартиру компании и рыться в документации!

Практически невозможно сориентироваться несмышленому чужеземцу в океане противоречивых законов. По подсчетам австралийских журналистов, чтобы прочесть все законодательные акты, регламентирующие хозяйственную деятельность в СССР, человеку необходимо отдать без остатка 4—5 лет жизни. К моменту, когда гигантский труд

будет завершен, прежние законы потеряют силу и появятся принципиально новые. А противоречия в уже действующих нормах, а столкновения законов Союза, республик, областей, городов!

Да и сами советские бизнесмены порой азиатам кажутся непостижимыми. Один индонезийский промышленник как-то в сердцах посетовал: «Советский партнер очень странно себя ведет. Будто умышленно затягивает переговорный процесс. Сделку можно было бы оформить за один день, а мы бьемся уже год». Спустя некоторое время новая жалоба со стороны того же бизнесмена: «Представляете, подписали контракт, я уже собирался его выполнять, но неожиданно выяснил, что контрагент намеревается заключить идентичную сделку с другой фирмой, а нашу решил аннулировать».

Иностранный делец заслуживает сочувствия. Ведь для него чем быстрее движется дело, тем оно выгоднее. Стремительнее оборачивается капитал, скорее поступают на банковские счета деньги, необходимые для погашения долгов и реинвестирования. Ну а уж когда срывается утвержденный контракт, тогда не избежать прямых убытков. В подобных случаях пострадавшая сторона автоматически подает в суд. Но что не хочет или не может понять коммивояжер из-за кордона, так это то, что советским «предпринимателем» движут совсем иные мотивы. Для него чем дольше длятся переговоры и чем шире круг контрагентов, тем лучше. Сделка как таковая для него маловажна, он

с нее «навара» иметь не будет. А вот переговорный процесс является важнейшим источником доходов. Он сопряжен с поездками за границу, подарками, закупкой вещей, которые можно выгодно перепродать. Отсюда и «загадочное» поведение советского делового человека.

Угрожают ли нам «темные замыслы»

Приезжающие в Советский Союз иностранные бизнесмены сетуют, что их воспринимают у нас как Деда Мороза. От них ждут, у них просят и даже требуют бесконечную вереницу сувениров. При таком психологическом настрое к гостю мысль о том, что он сам приехал сюда подзаработать, почему-то не посещает головы некоторых наших чиновников и хозяйственников. Более того, нередко высказываются резкие упреки в адрес иностранных купцов, пытающихся, мол, «обогатиться за наш счет».

Подобный подход мешает трезво взглянуть на наше коммерческое законодательство. Понять, что оно несовершенно и создает слишком мало стимулов для инвесторов. А нам кажется, что мы и так распустили иностранцев, дали им чрезмерную вольницу. На самом деле прав и возможностей у зарубежных предпринимателей в СССР гораздо меньше, чем в большинстве других стран. Возьмем все тот же запрет на вывоз рублей. Периодически власти организуют показательные мероприятия. Например, обвиняют зарубежные банки в зловещих заговорах, направленных

на высасывание огромного количества дензнаков за пределы СССР.

Такие демарши вызывают у партнеров неподдельное изумление. Во-первых, урезонируют они, ваше правительство само сетует на перегруженность каналов обращения денежной массой и всеми силами пытается изъять оттуда избыточные платежные средства. В связи с этим оно провело внезапный обмен 50 и 100-руб-левых ассигнаций, утроило цены, нанеся немалый материальный и моральный ущерб собственным гражданам. А раз так, то надо вроде бы радоваться, что заграница помогает расправляться с инфляцией, да еще без неприятных последствий для потребителя. Во-вторых, советские организации накопили на банковских счетах за рубежом миллиарды долларов и иен, но в Вашингтоне и Токио их не обвиняют в темных замыслах...

От нашего Центра исходят и другие, непонятные для азиатского бизнеса акции. Когда хозяйственники перебрали все возможные формы оплаты импорта и решили прибегнуть к экспорту устаревающего военного оборудования, то и в этом случае им дали по рукам. Обвинили чуть ли не в подрыве государственной безопасности. Помните «дело» о вывозе нескольких сотен танков и шум вокруг этого? А ведь в один Ирак в доперестроечные времена Кремль «загнал» более 3 тысяч первоклассных танков (причем так и непонятно, заплатил ли за них Саддам Хусейн сполна).

Раз за разом оракулы из числа совграждан

предостерегают: капвложения из-за рубежа сломают хребет России, превратят ее в сателлита инородных богатеев. Только позволь, как в мгновение ока скупят на корню землю, заводы и детские сады. То ли оракулам невдомек, то ли лукавят они, но ведь проще пареной репы тот факт, что нам грозит другая перспектива: пока почти никто и почти ничего не желает в СССР приобретать (несмотря на все усилия парламентариев, министров и мэров). Ну а если начнут все же покупать, то неужели это действительно столь страшно? Возьмем пример США. Англичане вложили в американскую экономику более 120 млрд долларов, японцы – свыше 70, голландцы – под 60. За 1980-е годы прямые иностранные инвестиции в Соединенные Штаты возросли на 636 %. Все капвложения в эту страну достигли к концу 1989 года астрономической цифры в 2 триллиона долларов. И что, поставили американцев на колени голландцы и разные прочие шведы? Напротив, речь идет о превращении Соединенных Штатов чуть ли не в единственную сверхдержаву на планете!

Если же посмотреть на Азию, то там именно благодаря инъекциям из-за кордона как на дрожжах выросли здоровые экономические организмы Южной Кореи и Сингапура, Тайваня и Гонконга. И стали такими сильными и самостоятельными, что успешно бросают вызов прежним донорам, включая американцев. Тем более никто никогда не «съест» нашу огромную державу. Надо только изменить психологию,

не взирать на внешний мир враждебными глазами, слиться с ним.

«Кофейный» курс рубля

Нормальному сотрудничеству с заграницей мешает и экономическая безграмотность. Можно услышать разговоры о том, что, мол, рыночный курс рубля несправедлив. Как это, за 1 доллар требуют 30, 40 или даже 50 рублей! Ведь если взять бензин, то он стоит внутри страны 40 копеек за литр, а за рубежом целый доллар. А это значит, что рубль в два раза сильнее доллара. Следуя такой логике, можно вознести курс нашей конвертируемой валюты еще выше, чуть ли не до безоблачных высот. В самом деле, в Риме за чашку кофе приходится отдавать 5 американских долларов. В Москве аналогичное удовольствие обойдется максимум в 50 копеек. Таким образом, соотношение рубля и доллара «должно» быть 1:10. Лицам, прибегающим к подобным расчетам, надо, однако, понять, что деньги на рынке представляют собой такой же товар, как кофе, и их цена диктуется спросом и предложением. Хотя кофе и остается в Риме в десять раз дороже, чем в Москве, но тем не менее итальянцев и других иностранцев, желающих обзавестись нашей валютой, немного. А вот граждан СССР, нуждающихся в долларах, великое множество. В итоге поддерживаются ажиотажный спрос на доллар и готовность людей отдавать за него десятки рублей.

Иностранных контрагентов подчас обвиняют в нечестности. Один знакомый жаловался: «Представляешь, ведем переговоры. Фирмач называет цену. Мы ему говорим, что такая-то компания продает аналогичный товар дешевле. Тогда он снижает цену. Хотел нас, прощелыга, обмануть!». Этот сюжет напоминает историю с английским офицером, служившим в XIX веке в Китае. У англичанина был местный денщик, которому он платил 2 серебряные монеты в неделю. Денщик служил исправно, и по прошествии года офицер уведомил его о повышении жалованья на монету. Казалось, надо бы радоваться, но денщик опечалился и с обидой заметил: «Значит, весь предыдущий год вы меня обманывали, недоплачивали!».

Примитивные представления о рынке, его законах и правилах сплошь и рядом тормозят, а то и срывают контакты с зарубежными предпринимателями. Члены сингапурской экономической делегации были обескуражены беседой с мэром крупного советского города. Человек он высокообразованный, либерал, рыночник и вдруг стал горячо убеждать гостей: «Вы нам помогайте, а Москве не надо, у них и так все есть!». «Неужели мэр не понимает, что благополучие его города и Москвы взаимозависимо?» – в сердцах воскликнул кто-то из сингапурцев. В той же беседе отец города уговаривал помочь в создании сети банков. Сингапурские магнаты безуспешно пытались растолковать хозяину, что

сначала необходимо наладить производство, а потом браться за банки. Иначе кто в них станет хранить средства и кому они смогут ссужать деньги?

Что не в меньшей степени удивляет азиатских соседей в СССР, так это невероятное количество знаменитых экономистов. И при всем этом, язвят японцы, тайландцы и тайваньцы, Советский Союз оказался в глубочайшем экономическом кризисе на сорок шестом году мирной жизни, обладая колоссальными ресурсами. В Азии же, подчеркивают они, нет экономистов звезд, и вообще никто о представителях этой профессии не вспоминает.

Примерно так же оценивают в Азии и некоторых советских хозяйственников. Характерный пример. Директор московского завода обратился в торговое представительство Республики Кореи с просьбой найти контрагента, заинтересованного в приобретении кабеля. Передал образцы продукции. Их переслали в Сеул. Через какое-то время желающий нашелся. Из торгового представительства звонят директору, чтобы сообщить приятное известие и выяснить ориентировочную цену. «Цену? – возмущенно восклицает капитан индустрии. – Да вы что, меня за простофилю принимаете? Пусть приезжают фирмачи, тогда и потолкуем. Или мы сами слетаем в Сеул!»

Директор уверен в своей правоте, и невдомек ему, что весь мир, включая Азию, давно ведет дела по-другому. Такие сделки заключаются с помощью телексной связи в течение пяти минут. Запрос о

котировке цен. Ответ. Акцепт цены. Далее, тоже в течение нескольких минут, уточняются технические детали поставки изделия.

Не выбрасывать ни одного иероглифа

До сих пор речь шла о людях, пусть в чем-то заблуждающихся, но выступающих за рынок. Но есть и другие, антирыночники. Их аргументация, по сути не очень серьезная, подчас вносит сильную сумятицу в головы несведущих людей.

Типичный демагогический прием – рассуждение о том, что рынок, мол, не панацея. Он работает лишь в десятке-другом стран, а остальные, несмотря на рыночную модель, барахтаются в нужде. Действительно, есть немало неблагополучных государств с рыночной экономикой. Но, во-первых, число стран, которые благодаря рынку добились выдающихся достижений, растет на глазах. Вспомним ту же Азию. Разрушенная в мировую войну чуть ли не дотла Япония уже в 1960-х годах процветала. В 1970-х годах экономическое чудо совершили рыночные хозяйства Сингапура, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга. А ведь о тех же южнокорейцах американские экономисты говорили в 1945 году, что они ни на что не способная, отсталая нация, а потому Корея не готова к независимости, нуждается в опеке извне. Во-вторых, если рынок не во всех случаях панацея, то его отсутствие всегда беда. Кто приведет хоть один пример успешного

функционирования нерыночного хозяйства? Никто, нет таких примеров. А уж совсем расстаться с сомнениями насчет того, что лучше: рынок или его антипод, поможет анализ ситуации в разделенных нациях, в той же Корее или в Германии. Народ на Севере и Юге Кореи один и тот же, достижения же совсем неоднозначные: КНДР отстала от Республики Кореи чуть ли не на полвека.

И все же потянем ли мы рыночную систему? Азиатские экономисты на данный вопрос отвечают: если тянете плановое хозяйство, то уж рыночное тем более выдюжите.

Антирыночники заявляют: приватизация приведет к расцвету теневиков. Но если теневая экономика – атрибут рынка, то каким образом она завелась в СССР? Почему черный рынок существовал в ГДР, в ФРГ его не было, почему он пустил глубокие корни в Чехословакии, в то время как в Австрии о таковом и не слышали? Дефицит и нелепые, назначаемые сверху цены, государственная собственность и отсутствие конкуренции – вот некоторые из основных причин, порождающих теневиков. Никакая милиция их не победит, а вот рынок со временем может.

Вердикт всех без исключения бизнесменов из азиатских стран, познаковавшихся с советской экономикой, един. Хозяйство необходимо перевести на частные рельсы. Советуют сделать это даже братья по коммунистической идеологии. Недавно довелось присутствовать на беседе официального лица с визитером из КНР. Хозяин, отчасти желая понравиться

гостю, клялся, что Москва больше 5–10 % экономики на откуп частнику не отдаст. Китаец вежливо кивал, а когда вышел на улицу, воскликнул в сердцах: «Как же можно диктовать такие пропорции. Это же ведет к разрушению производительных сил, монополизации, инфляции!». Среди азиатских экономистов спор идет не о том, нужна ли приватизация, а о том, какими методами и темпами ее проводить. Те же китайцы советуют двигаться неспешно, мелкими шажками, но все время находиться в движении, не останавливаться. При этом не колебаться, не применять к экономике идеологических категорий. Выбрав курс, не выбрасывать из него ни одного иероглифа. Пока же, отмечают китайские специалисты, ситуация в СССР скорее напоминает печально известную «культурную революцию» в КНР, чем реформы. Все с утра до вечера спорят, митингуют, читают газеты, а работа стоит...

Экономисты Сингапура и Южной Кореи согласны с тезисом о том, что спешить не надо. Вместе с тем они не верят в половинчатые меры, в соединение рынка с планом, государственной собственности – с частной. Одна южнокорейская газета отметила: «Есть два способа поменять машину. Первый – беспрестанно латать старую, собирая детали с миру по нитке. Второй – купить новый лимузин. Так и с экономикой. Лучше строить новую, чем, не переставая, ремонтировать никак не желающую функционировать старую». В отличие от китайцев представители развитых рыночных экономик в Азии подчеркивают, что реформы –

это как раз идеологическая и политическая, а не чисто экономическая проблема. Как лечить больное хозяйство, давно известно, и здесь ничего не надо изобретать. Вопрос в том, согласятся ли с необходимым курсом лечения «пациенты».

Люди, отвергающие рыночную экономику, готовы даже пользоваться аргументами иностранцев о необыкновенной природной лени нашего народа. Его, мол, не заставишь работать, подобно корейцу или японцу. Однако сами же иностранцы, как следует окунувшись в советскую действительность, одергивают отечественных антирыночников. Знакомый бизнесмен из Гонконга жаловался: «Не могу больше месяца выдерживать в Москве. Устаю, езжу отдыхать домой или в Западную Европу. Все силы уходят на доставание, выбивание, уговоры, ожидание. Каждый человек должен уметь нравиться продавцам, обманывать ГАИ, самостоятельно ремонтировать машину, носить тяжести, стоять в многочасовых очередях, толкаться в автобусах локтями. Тяжело. Более выносливого и терпеливого народа, чем ваш, на Земле нет!».

Ну что же, наши азиатские соседи тоже славятся долготерпением. Многим из них пришлось перетерпеть владычество тоталитарных режимов и посчастливилось дожждаться нормальной жизни, благоденствия и народовластия. Готовы они ждать и перемен в нашей стране, которые превратят Советской Союз в полноценного члена мирового сообщества, надежного и уважаемого делового партнера. Хочется верить, что

ждать им осталось недолго.

* * *

Также в 1991 году Н.Е. Бажанова выступила в роли научного консультанта докторской диссертации В.И. Денисова – видного дипломата, в скором будущем (1993–1996) посла России в КНДР. Тема его работы самым непосредственным образом входила в сферу компетенции Наташи: «Проблема мирного урегулирования на Корейском полуострове в 1970–1980-е годы (международно-политические аспекты)». Защита прошла без сучка и задоринки. В том же году моя жена четыре раза выступила с интервью на самой популярной в СССР радиостанции «Маяк»: по актуальным внешнеполитическим проблемам, по отношениям СССР с КНР, Японией, двумя Кореями; дала интервью японской телекомпании NHK и японской англоязычной газете «Уикли Пост» по отношениям Москвы с Токио и Пекином. В 1991 году Наташеньку избрали в Исполком Ассоциации «За диалог и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Такая продуктивность Натальи Евгеньевны на фоне скромных достижений большинства ее коллег стала постепенно вызывать зависть, а со стороны вялого и малоспособного начальства отдела – и сопротивление. Но об этом позже, когда подобная деятельность стала «зашкаливать».

В заключение этого раздела отмечу, что нас с Натулей не

устраивали собственные достижения на ниве науки. Вот типичная запись по данному поводу в дневнике:

2 августа 1991 года

Получили около 140 экземпляров нашей только что вышедшей брошюры «СССР и Азиатско-Тихоокеанский регион». 3,46 п.л., тираж в районе 16 тысяч, весь по подписке. Девушка – младший редактор заметила, что никто не хочет подписываться. Проблема. Серия, в рамках которой вышла брошюра в изд-ве «Знание», закрывается (новое в жизни, науке, технике, подписная научно-популярная международная серия). Не везет с тиражами. И с популярностью. Пишем никому не нужную макулатуру. Сейчас, кстати, все международники на заднем плане. Народ увлекся внутренними проблемами.

Тем не менее попробуем протолкнуть брошюру в печать в Ю. Корею или на Тайване, сделать на ее базе статьи. А главное, написать книгу – заявку в издательство уже подали.

Глава 3. Личная жизнь

Помимо научной работы, текла, естественно, наша личная жизнь. Наташа и я проявляли нежную заботу о своих родственниках. Постоянно находились вместе с Натулиной мамой, Ниной Антоновной. Ей исполнилось 70 лет, она находилась уже на пенсии, но тонуса не теряла, вела активную жизнь. Мы вместе ездили в Троицкую на дачу, ходили в театры и кино, принимали гостей.

Почти так же тесно общались мы с моей сестрой Викой и ее мужем Толей. Племянница Анюта с супругом Димой и двумя девочками находились в это время в долгосрочной командировке в Норвегии (по линии торгпредства). Мы жили заботами близких. Представление на сей счет дают, в частности, следующие дневниковые записи:

2 августа 1991 года

Поговорил вчера с Викулей. Она провела отпуск на даче, теперь приступила к работе. Толя присоединится со следующей недели. Звонила из Норвегии Анютка. Говорит, что у них все хорошо. Слава богу! Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

18 ноября 1991 года

Толя и Викуля все еще раздумывают, ехать ли им в Швейцарию на работу в совместное предприятие. Объявлено о закрытии торгпредств. Как-то теперь Анечка с двумя дочками и Дима? Проблемы, проблемы.

Встречаясь с Викой и Толей по разным поводам, мы вспоминали прошлое, в том числе перипетии, связанные с учебой Анютки. Когда Аня переводилась из Сочи в московскую школу, столичная директриса заявила: «Девочка не сумеет у нас учиться!». Мы отпарировали: «Это еще почему? Что, у москвичей другие мозги!?». А когда Анюта уже оканчивала эту московскую школу, классная руководительница стала отговаривать нас от поступления племянницы в МГИМО. «Что за институт? – причитала она, – чепуховый!». Наташа в ответ отчеканила: «Я окончила этот “чепуховый” институт и ни капельки не жалею! И Аня не будет жалеть!».

Получив в конце концов школьную рекомендацию в МГИМО, мы выпили киндзмараули. Вино оказалось прокисшим. До сих пор с подозрением относимся к этой марке (тем более что и в дальнейшем с киндзмараули имели место казусы). Ну а в случаях, когда у близких нарастали подлинные трудности, Натуля неизменно повторяла слова из своего письма родителям из КНР от 3 ноября 1983 года: «Вы

уж постарайтесь, мои родные, не очень расстраиваться. Радоваться радостному и приятному, положительному и спокойно реагировать на все печальное».

Продолжали встречаться мы и со старыми друзьями. Мой дневник пестрит записями типа следующей:

13 мая 1991 года

10 мая остались дома: накануне кутили с Торкуновыми до 3 ч ночи, умотались, к тому же резко похолодало, чуть ли не до нуля. Приехала Таня Иванченко. Болтали и смотрели ее пленку о поездке в Японию.

Особое удовлетворение доставляло нам общение друг с другом. Наша маленькая, из двух всего лишь человек, семья жила очень дружно. Главным удовольствием, даже наслаждением, было для каждого из нас сделать друг другу приятное. Наши доходы были мизерными, приходилось постоянно считать каждую копейку и изыскивать источники дополнительных заработков, но мы не тужили, радовались, что мы вместе, что нам так хорошо. В будние дни я раньше Натули уходил на работу, и она обязательно смотрела мне вслед в окно. Идя, я по несколько раз оборачивался, и мы посылали взаимные воздушные поцелуи. Я и сейчас, выйдя из дома, смотрю на балкон нынешней квартиры, словно надеюсь увидеть там любимый образ моей женушки. Увы...

Оставаясь в библиотечные дни (два раза в неделю) дома, Наташенька готовила – сохранились сотни рукописных рецептов ее замечательных деликатесов. Шила, стирала, убирала. Изучала лекарственные препараты – склонность к медицинским делам передалась Натуле по наследству. А еще бегала по магазинам в поисках пропитания и каких-то обновок мне. И когда Наташе удавалось «ухватить» (как любила она выражаться) что-нибудь дефицитное (туфли, рубашку, носки), женушка по-детски радовалась и гордилась, что одевает меня как следует!

По вечерам мы сидели дома – беседовали, смотрели телевизор, сочиняли статьи, писали книги, составляли планы на день, месяц, год. Готовились к приему гостей и, когда те приходили к нам, щедро их угощали. По выходным ездили на своей машине или на электричке на дачу.

Привожу некоторые выдержки из дневника, иллюстрирующие эту сторону нашей жизни в первой половине 1991 года.

9 мая 1991 года

Моя базовая зарплата 600 руб., но это пока, вот-вот поднимут до 750 (решение уже есть). Плюс 50 руб. за язык, 70 руб. за ранг, 125 руб. за преподавание. Итого по новой шкале будет около 1 тыс. руб., а может быть, и больше. При нынешней системе цен, однако, это крохи. Цены просто

убийственные, баснословные. Пучок плохой редиски – 2 руб., 300 грамм колбасы – 18 руб. Обед в ДА: котлета, напиток, 2 кусочка хлеба – 1.80. То есть в 3–4, а то и в 5 раз все дороже, чем было прежде, до 2 апреля.

13 мая 1991 года

11 мая были в Троицкой. Потеплело, солнышко. И там никого нет. Чудесно провели время. Отдохнули.

18 мая 1991 года

Весь день просидели вдвоем дома. Сделали статью для «Нового времени» о визите Цзян Цзэминя по заказу А. Чудодеева, который сослался на начальство. Выходили лишь в магазин за овощами. Купили немного барахла – третьесортных лука, редиски, картошки и оставили почти 100 рублей.

21 мая 1991 года

В воскресенье пригнал машину из ремонта и мы отправились в Троицкую. Там хорошо – тишина, чистый воздух, зелень. Приезжаю за город и валюсь спать от переизбытка кислорода.

И на работе, и на отдыхе меня гложут мысли о том, как коренным образом изменить нашу жизнь к лучшему и в плане карьеры, и в плане доходов, и в плане разнообразия. 15 июня 1991 года я записал в этой связи в дневнике:

У Ю.М. Мельникова умерла мама, 88 лет. Завтра панихида и поминки. Кроме того, приезжает жена профессора Бэнга Ин Сук. Надо передать с ней статьи по Китаю. Профессор Бэнг заказал их для поездки Н.А. Назарбаева в КНР в июле с.г.

На работе – суета сует. Разговариваю с людьми, даю задания, рассылала записки. Хожу на ситанализы и прочие мероприятия. Но полного удовлетворения не испытываю.

Идеально – уехать послом или профессором в какой-нибудь престижный университет. На это и надо направлять усилия, а пока устанавливать связи в научном мире, зарабатывать деньги (статьями, лекциями, интервью), путешествовать с Натулькой по разным странам. Пытаюсь (все еще) завоевать имя в СССР: выступлениями на мероприятиях и в печати, налаживанием работы в ДА. Главное, не паниковать, не спешить, действовать спокойно, размеренно.

Хорошо бы сделать моего Котястого женой посла и доктором наук. Вторым займемся с сентября.

От мечтательных рассуждений пришлось, однако, оторваться. Выше уже говорилось, что у Натули возникли проблемы со здоровьем, врачи настаивали на операции по линии гинекологии. И поскольку боли в районе живота нарастали, приняли хронический характер, пришлось дать согласие. Далее привожу дневниковые записи.

21 мая 1991 года

...Наташеньку уже сегодня хотели забрать в больницу, но перенесли на неделю. Следующий понедельник. Бедненький мой зайчик, у него сегодня утром опять болело. Почти каждое утро, спозаранку. Вынуждена глотать таблетки, терпеть боль. А днем все нормально. Безумно жалко лапочку, но выхода, видимо, нет – надо оперироваться. Вопрос этот впервые встал два года назад, но тогда каким-то образом рассосалось. Вроде бы, так считает Натуленька, с помощью целителя Михаила Борисовича и диеты. Но теперь боль возникает почти каждый день, вот уже более двух месяцев.

2 июня 1991 года

Мой Родной, Любимый Моська находится в больнице. В прошлый четверг, 30 мая, ему сделали операцию. Я думал, что застрелюсь: плакал, дрожал, терзался.

Были там после операции, но Наташенька оставалась в реанимации. Приехали в пятницу, подождали, и при нас Лапуненьку перевели. Киска сразу заколола цветочек в волосики, улыбалась, щебетала. А сама бледненькая, слабенькая. Побыли вместе, поцеловали Киску, погладили.

В субботу не поехали: дали отдохнуть, отлежаться. Сейчас контакты тяжелы для Зайчика. Сегодня пробыли с 11 до 15. В палате. Выходить еще нельзя. Привезли лимоны, клюквенный отвар, боржом, бульон. Большие ничего нельзя. Названные вещи накануне с боем доставали – ничего не купить!

Завтра будет неделя, как Киска в больнице. Увезли в прошлый понедельник. В четверг утром звонила дважды, через Н.А., а потом сама передала, что очень меня любит. Это совсем растрогало. Как мне жалко своего человечка, как хочется делать для него все хорошее, лелеять его, любить, гладить, целовать!

15 июня 1991 года

Наташеньку перевели из Кунцево в реабилитационную больницу им. Герцена. Ровно через неделю после операции, т. е. 6 июня. Это примерно в 70 км от Москвы по Минскому шоссе. Чуть дальше Кубинки надо свернуть напротив ГАИ направо и дальше по Старомо-жайскому шоссе, через ж/д переезд, мимо военного городка. Место хорошее. Красивые

леса, свежий воздух, река. Неподалеку прямо замок, на месте дома, где вырос Герцен.

Больница снаружи невзрачная, но внутри чистая, аккуратная, комфортабельная. Палаты на двоих. Соседка – приличная медсестра. Натуленька уже ходит, вовсю развивается. Проснулся вкус к жизни. Возим ей ягоды и овощи, икорку. Кое-что кушает, но мало. Гуляет, читает, смотрит кино (фильмы почти каждый день), телевизор (в палате), принимает процедуры. Мы часто ее навещаем.

В прошлую пятницу были, с Таней Иванченко в субботу, затем в воскресенье, во вторник 11-го. Во вторник поехали из больницы через Звенигород в Троицкую. 60 км, 32 до Звенигорода по великолепной пустынной дороге, среди живописных лесов и холмов. 12-го был выходной – выборы первого Президента России. Поэтому ночевали в Троицкой, оттуда поехали к Натульке (12-го). Когда уже отъезжали, повстречались с Нестеруками. Вернулись. Побыли все вместе. На обратном пути заправились в Голицыно, заехали в Одинцово.

В четверг Нина Антоновна ездила к Натульке с Ниной Грешных. В пятницу (вчера) я и Н.А. Оттуда – в Троицкую. Переночевали, и вот я пишу. В 16:00 отправляемся опять к Натульке. Обещали быть там в 17:00. От лапочки – в Москву, так как завтра надо быть там.

16 июня 1991 года

В 16:00 отправились вчера с дачи к Наташеньке. Дорога в основном пустая и очень красивая. Леса, холмы, луга – и все сочно-зеленое, яркое. Приехали к пяти. Лапочка вышла из корпуса, мы поцеловались, пошли в палату. На балконе плотно пообедали привезенными с собой жареной картошкой, овощами, котлетами. Кошечка простудилась, побаливает горлышко, насморк. Стремился перенести все на себя. Поговорили об отпуске, о других делах, погуляли и направились в кино. Фильм американский, приключенческий и очень неплохой. «Дом на Кэрролл-Стрит». Кажется, так.

После кино сразу двинулись домой, ибо уже темнело. На Вере́йской улице дозаправились бензином. В 23:30 я был дома. Звонили сначала Кошечка – мы болтали, затем Слава Иванов – сказал, что они собрались навестить Натульку, просил координаты. Должны были сегодня в 11 утра с Н.А. ехать. Натульке я по телефону это сообщил. Горлышко у нее не проходит. Я встал в 9, на улице сделал зарядку.

Ощущение одиночества и неудовлетворенности. Скорее бы Ла-пуля поправлялась, и я мог бы ее целовать, гладить, разговаривать с ней.

В конце концов лечение в больнице закончилось, Наташенька вернулась домой и вновь с головой окунулась в дела.

31 июля 1991 года я сделал следующую запись в дневнике:

Не писал вечность, хотя давал себе зарок делать ежедневные записи. Теперь все восстановить невозможно, придется телеграфным стилем и основные моменты.

Натулька вышла из больницы (им. Герцена) в двадцатых числах июня. Сейчас уже вовсю функционирует, вкалывает, при этом прекрасно (тьфу-тьфу, не сглазить) выглядит.

А на ее голову свалилась масса забот – капитальный ремонт квартиры, дачные строительные работы. Квартира сейчас в состоянии полного хаоса, но самое страшное – сверление дыр, сварка, срезка батарей, установка новых – позади. Постепенно возвращаем все в нормальное состояние, хотя в сентябре предстоит пробный пуск воды. Киса моя установила дружеские связи с бригадой сварщиков, особенно с бригадиром Леней (Федоровичем), который зачастую в гости, одалживает деньги и т. п.

На даче нам поставили решетки на окна и двери, делают бетонные дорожки, идут переговоры о строительстве хозблока, туалета. Масса других дел. В общем, все кипит и бурлит, и главная нагрузка падает на Наташеньку.

Тогда же, 31 июля 1991 года, я отметил в дневнике:

Всю свою активность направляю на организацию для нас с На-тулей загранкомандировок. Несколько поездок, несмотря на большие усилия по их организации, сорвались. Был еще план съездить по турпутевкам по маршруту Кипр

– Хайфа – Иерусалим. Тоже не вышло. Но мы не унываем – 6 августа летим в Южную Корею, на десять дней. Принимают газета «Сеул синмун» и компания «Дэу». Надеемся посмотреть всю Корею. По возвращении что-нибудь напишем.

Одновременно веду переговоры с тайваньцами о визите моем и Натули на этот остров. Принимал в Дипакадемии профессора Мин Цзи. Он является директором Института русского языка и литературы Университета китайской культуры на Тайване. Договорились с профессором о стажировке на 3–6 месяцев в этом университете в Центре по изучению китайского языка доцента кафедры восточных языков Дипакадемии А.Г. Цверганишвили.

Профессор Мин Цзи и его спутник доктор Дай Ваньцин ужинали у нас дома. Толковые люди, есть много интересных тем. В целом китайцы более приятны в общении, чем корейцы, более гибкие, вежливые, умные, развитые. Корейцы – нувориши с комплексом неполноценности и на его основе комплексом превосходства. Пока делать далеко идущие выводы не стоит, надо сначала побывать в Корее. Но то, что корейцев ничего, кроме их собственной Кореи, не интересует, это непреложный факт.

С Тайванем возможны варианты поездки в ноябре 1991 года или апреле 1992 года. Думаю, что тянуть не стоит, железо надо ковать, пока горячо, чем и займусь без промедления по возвращении из Кореи.

Есть еще вариант в октябре – поездка в Гонконг в соста-

ве делегации, организуемая С. Чудодеевым. Но поездка без Натули, а меня такой вариант не прельщает. Разве что договориться, чтобы следующий раз нас там приняли с Натulenькой.

О других делах. С 20 по 23 июля в Москве была делегация из Южной Кореи во главе с генеральным секретарем правящей Демократической либеральной партии Ким Юн Хваном. Должен был по просьбе профессора Бэнга обслуживать ее полностью. На этапах подготовки приложил массу сил, убил много времени, но затем отошел в сторону. Принимающая сторона (казахи) превратила меня в мальчика на побегушках или сутенера, который никому не нужен, но тем не менее напрашивается в партнеры. Организовал лишь прием делегации в Дипакадемии. Ким Юн Хван выступил, ответил на вопросы. Я играл роль режиссера и чувствовал себя на редкость раскованным.

С 24 июня ушел в отпуск. Суетился в связи с поездками, дачей, домашними делами, по поводу калифорнийского профессора Норвуда, который надоел своими глупостями, странностями, наглостью. Принимали на Кутузовском Норвуда (2 раза), Шэтти (индийское пос-во), бизнесмена Цоя (раз пять, два раза ночевал), Чжо («Дэу») и нового представителя газеты «Сеул синмун» Ли. Резко отличается от Ким Ен Мана, этакий интеллигент. Сказал, что за статью о Корейской войне Натуле выписано 500 ам. долларов. Передал господину Ли новые статьи, он их обрабатывает и

пошлет в редакцию, опубликуют и их. Надо активно выходить на международную арену, постоянно печататься.

Продолжаю писать вечером того же дня. Должен сказать, что после перехода в Дипакадемию в значительной мере потерял вкус к публикации статей в советской прессе. Лавров мне это не приносит, деньги мизерные, а жизнь течет в этих никому не нужных заботах.

Прекращать вообще может быть и не стоит, но акцент надо делать на другом. Здорово было бы уехать куда-нибудь за границу, если не навсегда, то надолго, чтобы не мучиться здесь.

Пока закругляюсь. О сегодняшнем дне отмечу лишь, что утром в Троицкой работал Петр Григорьевич с командой, доделали дорожки. П.Г. поправил и машину – она слабо тянула. После их отъезда Нина Антоновна и Натулька возились в саду, я же делал записи в дневнике, сменил газовый баллон, раскрутил новый шланг.

11 августа 1991 года

Получили по факсу обнадеживающее письмо от старого друга, бывшего вице-мэра г. Рино (Невада, США) Артура Томаса (Артюши Томосяна):

10 августа 1991 года

Дорогие Евгений и Наталья!

Прошло уже так много лет после того, как вы

вернулись на Родину из долгосрочной командировки в Сан-Франциско.

С тех пор очень многое изменилось, открылись многообещающие каналы для развития экономических и культурных связей между СССР и США. В свое время мы с вами только мечтали о подобных перспективах.

Приглашаю вас приехать ко мне в гости в Рино и обсудить возможности нашего с вами личного участия в советско-американском сотрудничестве...

Артур Томас

Глава 4. Очное свидание с Южной Кореей

К первой поездке в Корею мы готовились долго и напряженно: изучали литературу, беседовали со знатоками. По итогам этих исследований подготовили эссе об особенностях истории Кореи, ее влиянии на традиции и характер корейского этноса. Гораздо позднее мы включили это эссе в книгу «Корейские зарисовки» (издана в 2010 году), но я решил поместить (с незначительной правкой) выдержки из него в данную главу.

КТО ИЗОБРЕЛ ФУТБОЛ?

**(Или: Сесан-е пуром опсора! –
Нам некому завидовать в мире!)**

В финальном турнире первенства мира по футболу 1966 года удачно выступила команда Северной Кореи. Она одолела даже знаменитых итальянцев. Это поразило весь футбольный мир. Журналисты буквально накинудись на северокорейского тренера с расспросами: «Чем объяснить успехи команды, ранее никак не проявлявшей себя?». Тренер спокойно

объяснял: «Ничего неожиданного в победах нет. Ведь корейцы изобрели футбол и первыми в мире начали играть в него тысячелетия назад». Когда же представители СМИ предложили северокорейцу составить символическую сборную мира по футболу, он назвал десять полевых игроков своей команды и добавил к ним советского вратаря Льва Яшина. Яшин попал в этот почетный список, видимо, потому, что в стартовой игре чемпионата северокорейцы уступили сборной СССР 0: 3, и это поражение можно было оправдать лишь виртуозной игрой нашего голкипера.

Дело происходило в Великобритании, и англичане, всемирно признанные родоначальники футбола, очень удивились таким претензиям корейцев⁶. Точно так же китайцы, которые, как считается, подарили человечеству бумагу, компас, порох, изумляются, когда жители Корейского полуострова приписывают эти достижения себе. А еще корейцы утверждают, что они являются авторами самого совершенного алфавита на земле, разработанного в XV веке вместо китайских иероглифов. Некоторые эксперты договариваются до того, что и сами иероглифы провозглашают изобретением отнюдь не китайцев,

⁶ Кстати, КНДР на протяжении последующих 44 лет не могла пробиться на финальный турнир чемпионата мира по футболу. Ей удалось такое сделать только в 2010 году. Но на турнире того года в ЮАР северокорейские мастера кожаного мяча потерпели оглушительное фиаско, проиграв все матчи и, в частности, подвергнувшись разгрому от сборной Португалии с рекордным счетом 0: 7 (в 1966 году в Великобритании КНДР сыграла с Португалией гораздо достойнее: 3: 5).

а именно корейцев. Среди достижений Кореи называют также постройку в XVI веке первых в мире броненосцев (кораблей-«черепаш»). И в то время как китайцы с гордостью отмечают, что их цивилизация насчитывает четыре тысячи лет, корейцы безапелляционно заявляют, что за их плечами уже пять тысяч лет.

На самом деле история Кореи насчитывает максимум две тысячи лет. Тем не менее вот уже несколько веков назад закрепился миф о том, что государство на Корейском полуострове было создано в 2333 году до н. э. неким Тангуном, сыном небожителя Хвануна и медведицы, превратившейся в женщину. Упомянутая дата воспринимается каждым корейцем (что на Юге, что на Севере) как аксиома. Еще в школе подрастающему поколению внедряют в сознание тезисы о том, что пятитысячелетняя корейская цивилизация якобы старше китайской на две тысячи лет, японской – на две с половиной, русской – на четыре, американской – на четыре тысячи семьсот лет.

Любят корейские ученые порассуждать и на ту тему, что алтайские народы – чжурчжени, кидане, маньчжуры и др. – являлись корейцами, поэтому весь Дальний Восток в прошлом принадлежал Корее, в том числе и Китай, которым с 1644 по 1911 год правила маньчжурская (т. е. корейская) династия. Маньчжурию, на пространствах которой расположены ныне три провинции КНР, большинство корейцев вообще полагают утерянной

территорией. Считается, что там находилось в I–VII столетиях корейское государство Когурё, которое, как говорится в учебниках истории, в 668 году было ликвидировано «китайскими захватчиками». Некоторые южнокорейские авторы (ученые, писатели, политики) призывают соотечественников не забывать о своем священном долге вернуть Маньчжурию «в лоно родины». А заодно утверждается, что и часть российского Дальнего Востока входила когда-то в состав Когурё, а значит, должна быть «возвращена» Корее.

Говорят в Корее и о том, что материальная и духовная культура именно от них попала на японские острова, что первым императором Японии был кореец. А в последнее время мы слышим от некоторых южнокорейских ученых, что японцы вообще произошли от корейцев. Часть обитателей Корейского полуострова в седой древности (I–II века н. э.) переселилась на близлежащие острова и заложила основы японских этноса, языка и т. п. При этом корейцы забывают упомянуть о том, что в средние века они экспортировали в Японию не свою, а китайскую культуру, которую сами восприняли несколько ранее. Тем более к табу относится в Корее какое-либо упоминание о японском влиянии на социально-экономическое развитие корейской нации. А оно было немалым, особенно в годы колониального правления Японии на Корейском полуострове (1910–1945).

Совсем уж пышным цветом расцвело мифотворчество на севере Корейского полуострова, в Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР). Тамошний тоталитарный режим называет созданную им самим идеологическую и политическую систему лучшей на земном шаре, своей валюте приписывает «редко встречающуюся в мире» стабильность, корейскую нацию характеризует как самую умную, способную, храбрую, честную. Признание же любого иностранного влияния на Корею и содействие ему приравняется в КНДР к предательству родины. Северокорейские власти доходили даже до того, что срывали маркировку «сделано в СССР» с импортного советского оборудования.

Конечно, самовозвеличивание типично не только для корейцев. Этой слабостью страдают и другие. В Советском Союзе в конце 1940-х годов в ходе борьбы с космополитизмом официальная пропаганда стала приписывать нашим предкам чуть ли не все достижения технического прогресса. А если на Западе уже существовал признанный пионер в какой-то области, то его обвиняли в бессовестном плагиате. Так, итальянец Маркони якобы «слямзил» секрет радиосвязи у россиянина Попова. Братьев Ползуновых, смастеривших первый в мире паровоз, обокрали англичане братья Уайты и т. п.

В юности на меня произвели глубокое впечатление высказывания папиного приятеля-армянина. Будучи

высокопоставленным московским чиновником, он горячо доказывал папе, а заодно и мне, что фактически за каждым замечательным явлением в истории человечества стоят армяне. У Наполеона наиболее выдающиеся полководцы имели армянские корни. Но всех их лучше был армянин российского разлива – Багратион. Его считают грузином, но на самом деле род Багратионов (Багратуни) уходит своими корнями в Армению. Этот род пригласили в Грузию, чтобы ее облагородить и цивилизовать. Армяне вообще сделали грузинам очень много хорошего – сочинили алфавит, построили Тбилиси, превратили его в центр ремесел и культуры. Далее папин друг «открыл нам глаза» и на то, что исход Второй мировой войны также определили армяне. Главная битва развернулась между танковыми армиями. С гитлеровской стороны бронетехникой командовал армянин Гудериан, а с советской – армянин Баграмян. Армянин советской закваски оказался сильнее.

В последующие годы мы не раз сталкивались со случаями самовосхваления, зачастую необоснованного и даже курьезного, смешного, со стороны представителей различных государств и этносов, малых и больших, европейских и неевропейских. После распада СССР в новообразованных государствах национальное мифотворчество достигло астрономических масштабов. На Украине, например, договариваются до утверждений, что в жилах этрусков, предшественников Древнего Рима на Апеннинах, текла

украинская кровь. Да и Иисус Христос был чуть ли не украинцем. Киргизы же обнаружили зачатки собственного гражданского общества еще до того, как Христос родился. Вьетнамские дипломаты заявили нам как-то, что Великую Китайскую стену построили в III веке до н. э. их соотечественники – архитекторы, позаимствованные правителями Поднебесной.

У каждого свои причины упражняться в самовосхвалении. У корейцев такие причины весьма веские. Ведь их родина на протяжении тысячелетий (не столетий!) являлась объектом экспансии и агрессии со стороны более мощных соседей. Корейцы говорят о своей стране: «креветка, оказавшаяся между сражающимися китами». Корею терзали, рвали на части, пытались лишить собственной культуры и ассимилировать. Корейцам удалось выстоять под этим прессом, сохранить свое «я» только благодаря упрямому следованию традициям, поддержанию веры в свои достижения и уникальные черты.

Давайте же окинем беглым взглядом тот сложный, извилистый исторический путь, которым пришлось пройти корейскому этносу. Согласно упомянутому выше мифу, начало Кореи положил Тангун, сын небожителя. Его потомки более тысячи лет царствовали в стране, названной Чосон (Страна утренней свежести). За несколько веков до нашей эры жители этой страны вошли в контакт с китайцами. У китайцев тогда уже существовала письменность, и они стали обозначать соседнюю страну двумя иероглифами.

Какой смысл имели данные иероглифы в древности и как озвучивались – неизвестно. Но на современном языке они звучат как «чосон» и означают «утренняя свежесть». Так к Корее и приклеилось наименование «Страна утренней свежести». В Северной Корее им пользуются до сих пор. На Юге принято другое наименование – «Хангук» («Страна Хан»), где «Хан» происходит от имени древних обитателей южной оконечности Корейского полуострова.

Возникает вопрос: а откуда взялось название «Корея»? Как уже указывалось, в древности на севере полуострова существовало государство Когурё. В X веке очередная королевская династия решила восстановить это имя и назвалась династией Корё. Иностранцы имя подхватили, и с тех пор на большинстве языков страна именуется Кореей.

Жители Кореи, с одной стороны, подвергались культурному влиянию более развитых китайцев, а с другой – вынуждены были обороняться от их армий. Наконец, в 109 г. до н. э. император У-ди полностью подчинил Корею китайскому контролю. Более четырех веков продолжалось это правление, пока в 313 г. корейцам не удалось избавиться от иноземной опеки. На Корейском полуострове возникло несколько государств, которые воевали и с китайцами, и между собой, порой опираясь на поддержку Срединной империи.

В X веке на Корею обрушились полчища племен киданей, начиная с XI века их сменили

чжурчжэни, потом монголы, китайцы, японцы и, наконец, маньчжуры. При этом почти непрерывно, вплоть до конца XIX столетия, Корея выплачивала дань сменявшим друг друга династиям Срединной империи. И даже короли Кореи утверждались в Пекине. Литературный древнекитайский язык «вэньянь» был государственным языком Кореи, все документы и вся литература до начала XX столетия записывались китайскими иероглифами, а не буквами корейского алфавита. Большинство аспектов политической, общественной, экономической и духовной жизни Страны утренней свежести пронизывало влияние Поднебесной.

Стремясь сохранить идентичность Кореи и собственную власть, местные правители стали постепенно закрывать страну. Запретили подданным какие-либо контакты с иностранцами, убрали население с побережья, закрыли доступ чужеземным судам в порты, оказывали яростное сопротивление иным попыткам проникновения на полуостров извне. За Кореей в XVIII–XIX столетиях закрепилось название «Страна-отшельница». Китайцы, кстати, еще раньше отмечали в своих летописях и трактатах, что Корея – земля отшельников. Заодно называли ее страной трав долголетия, пагод, нежных красок, приглушенных тонов, печальных песен. Обращали внимание на вежливость корейцев.

Из-за закрытости, приверженности архаичной конфуцианской системе, междоусобных распр и

военно-политического давления извне Корея все больше отставала в своем развитии и превратилась в легкую добычу колониальных держав. В борьбу за преобладание в «Стране-отшельнице» включились наряду с китайцами японцы, европейцы, россияне, американцы.

Все они обращали внимание на крайне неблагоприятную ситуацию на Корейском полуострове. Русский путешественник отмечал в конце XIX столетия, что в столичном городе Сеуле не увидишь местных промышленных товаров, только иностранные, в основном из России. «У корейцев, – резюмировал путешественник, – не хватает трудолюбия и талантов, чтобы самостоятельно производить ткани и другие изделия». А российский дипломат А.Н. Шпейер докладывал в 1897 году в Санкт-Петербург: «То безобразное состояние, в котором находится в настоящее время Корея, высшие классы коей, не исключая короля, возводят взятки на степень необходимого, если не единственного, фактора внутренней политики, тот поголовный обман и та беспросветная ложь, которые царят ныне во всех слоях корейского общества, приводят меня к тому грустному убеждению, что никакие старания наши не смогут поставить нашу несчастную соседку на ту нравственную высоту, ниже которой самостоятельное существование государства немислимо и не может быть допущено его соседями».

Американский советник в Корее Аллен писал

примерно в то же время соотечественнику-бизнесмену: «Хотя я и не верю в пытки... но полностью осознаю, что если их отменить, то местное население перестанет уважать власти. Я, безусловно, выступаю за порку корейцев, которые ее понимают, а отсутствие оной не поймут... Нельзя вести себя с корейцами как с людьми, у которых есть цивилизованные суды и практика».

События в Стране утренней свежести приобретали все более драматический характер. 8 октября 1895 года японцы врываются в королевский дворец Кёнбоккун, убивают королеву Мин. Обливают ее тело керосином и сжигают. 11 февраля 1896 года король Кочжон с наследным принцем, спасаясь от японцев, укрываются в российской дипломатической миссии. Россия навязывает Корее выгодные себе соглашения, одновременно из своего русского убежища корейское правительство предоставляет одну концессию за другой всем другим колониальным державам, причем на грабительских для Кореи условиях. Корейская общественность пытается сопротивляться, но тщетно, силы не равны. Страна все глубже погружается в сферу влияния Японии. В 1904 году между Японией и Россией вспыхивает широкомасштабная война за контроль над Маньчжурией и Кореей. Японцы одерживают победу и по Портсмутскому договору 1905 года устанавливают протекторат над Кореей. Корейская империя существует отныне только номинально.

В знак протеста против японского засилья некоторые видные деятели страны кончали жизнь самоубийством,

на корейцев, служивших колонизаторам, совершались покушения. Разворачивалась партизанская война. Японцы отвечали массовыми репрессиями, уничтожением целых населенных пунктов. В 1916 году Токио официально превратил Южную Корею в свою колонию.

В 1919 году, воодушевленные переменами в международных отношениях после окончания Первой мировой войны, корейские патриоты развернули движение за независимость родины. Японцы зверски подавили это движение, но уроки учли, внесли коррективы в свое поведение. Период с 1919 по 1939 год вошел в историю как эпоха «культурного управления», или «бархатной кошачьей лапы». Акцент с силового принуждения был перенесен на японизацию местного населения. Корейцев заставляли начисто забыть свое прошлое, говорить и думать по-японски. При этом их по-прежнему нещадно эксплуатировали и в городе, и в деревне, используя каторжный труд для форсированной индустриализации военного типа. Подавляющее большинство аборигенов прозябало в ужасающей нищете.

Во время Второй мировой войны японцы приступили к массовой мобилизации мужчин корейцев в вооруженные силы, а кореянок использовали в качестве «сексуальных рабынь» для собственной солдатни. Всего было мобилизовано свыше 8 млн корейцев, из которых более 1 млн погибли. Около 2 млн корейцев были вывезены в Японию в качестве

подневольной рабочей силы.

Давая оценку правлению японцев в Корее, нельзя не отметить, что при всей его антигуманности колонизаторы не так уж плохо относились к осевшим там русским, хотя Россия и была недавним противником Токио. Проживавших в Сеуле россиян-предпринимателей, священников, учителей, консульских чиновников никто не обижал. С сочувствием отнеслись колониальные власти и к белым, бежавшим из России в гражданскую войну. Им помогали прокормиться и оплатить транспортировку в другие страны (Китай, США, Австралию). Кое-кто из русских преуспел в сфере бизнеса и ремесла. В Сеуле славились русские портные, парфюмеры, булочники, парикмахеры. Русские балерины первыми открыли для местной публики европейское танцевальное искусство. На севере полуострова русская семья основала неплохой курорт.

А вот после того, как в 1925 году в Сеуле открылось советское консульство, между красными и белыми развернулась конфронтация, продолжавшаяся вплоть до 1945 года. С освобождением Кореи от японцев почти все белые оттуда выехали, а консульство СССР закрыли в 1946 году американцы, обвинив дипломатов в подрывной деятельности.

Корейцы не забыли японцам обид – то, что те поставили их нацию на колени, унижали, оскорбляли, эксплуатировали, грабили, убивали. Почти любой кореец на вопрос о его отношении к японцам

обязательно скажет, что ненавидит их (в лучшем случае, просто не любит). Вплоть до недавнего времени в Южной Корее были запрещены японские кинофильмы, пьесы, эстрадная музыка. В стране не преподавался японский язык, сносились здания, построенные японцами в колониальную эпоху. Велась и продолжает вестись борьба на международном уровне за переименование Японского моря в Восточное. В тысячах и тысячах книг и статей японцы обвиняются во всех прошлых бедах Кореи – отсталости, болезнях, преступности, социальном расслоении общества, транспортных авариях и т. д. и т. п. Правда, в последние годы отношение к Японии начинает меняться в лучшую сторону, о чем пойдет речь в последующих главах книги.

Еще одна особенность Кореи заключается в том, что она на протяжении столетий управлялась королями, которые считались наместниками Неба и обладали абсолютной властью. Все важные решения, касающиеся жизни королевства и его подданных, принимались лично королем. Даже дерево посадить нельзя было без высочайшего согласия. И пароли ночным стражникам тоже придумывал самодержец. Наследник также выбирался монархом, причем без каких-либо ограничений, произвольно. Выбор мог пасть на любого мужчину, представителя правящей династии – брата, сына от одной из наложниц, племянника, внука. Случалось, короли меняли свое решение, отказывались от первоначальной кандидатуры и

называли наследником другую персону, потом еще одну и т. д.

Монархи вместе с тем должны были придерживаться определенных и довольно стесненных рамок в своем поведении, диктовавшихся конфуцианским учением. Иначе они бы теряли «мандат Неба» на управление страной. Им полагалось не только осуществлять руководство государством, но и ежедневно штудировать классические китайские тексты. Они обязаны были ограничивать себя в увеселениях и в поездках по стране, воздерживаться от путешествий за пределы Кореи. Короли не очень интересовались военным делом, считалось ниже их достоинства участвовать в охоте. Существовало специальное ведомство по контролю за поведением короля и его родственников. Руководители ведомства имели даже право критиковать монарха, которым, впрочем, не часто пользовались. А когда увлекались и по-настоящему нападали на королевских особ, то получали «по шапке».

В целом линия поведения монархов, видимо, всех устраивала. По крайней мере, в Стране утренней свежести веками не происходило государственных переворотов, гораздо реже, чем в других странах, случались заговоры, мятежи, народные восстания. Не удивительно, что династия Кимов в Северной Корее тоже до сих пор обходилась без катаклизмов, тем более что в отличие от своих предшественников-королей коммунистические вожди неизменно уделяли и уделяют повышенное внимание армии, опираясь не столько на

традиции, сколько на штыки военных.

Но если в зажатом в тиски обществе Северной Кореи тоталитарный режим поныне чувствует себя вольготно, на Юге авторитарная власть все больше входила в противоречие с потребностями развитой рыночной экономики и порождаемого ею среднего класса. В 1979 году диктатор Пак Чжон Хи был застрелен соратником, главой южнокорейского ЦРУ. На суде обвиняемый заявил, что пошел на убийство ради «восстановления демократии» в стране.

* * *

Ну а в процессе подготовки к поездке в Южную Корею в августе 1991 года мы еще намаялись с авиабилетами. В ту пору российско-южнокорейские отношения переживали бум, народ мотался туда-сюда, пришлось задействовать «блат», чтобы вылететь в намеченные сроки.

Рейс «Аэрофлота» выполнялся из Шереметьево-I. В прошлом, в 1970-е годы, пользовались этим аэропортом при полетах между СССР и США, и тогда он казался по крайней мере солидным (хоть и некрасивым). Теперь, в разгар перестройки, Шереметьево-I выглядел жалко – обшарпанный, пыльный, неблагоустроенный, неорганизованный.

Таможню и регистрацию на рейс мы прошли первыми и без проволочек. Никто на наши диппаспорта толком и не

взглянул. Демократия, свобода, раскрепощение страны – с удовлетворением констатировали мы про себя. У погранпоста «демократия» достигла своего апогея – он был пуст. Мы пересекли воображаемую границу и уселись в маленькой комнатке в ожидании пограничников. Появились они через полчаса. Мы вернулись на российскую сторону, получили в паспорта печати о пересечении границы и вновь расположились в маленькой комнатке.

В нее быстро набивались пассажиры, вскоре стало тесно и душно. Половине вошедших мест не досталось, люди стояли прямо у ног сидящих. Туалета и буфета у этого «зала ожидания» не было, пассажиры терпели, кто-то болтал, остальные смотрели в одну точку. Отдельные экземпляры смели возмущаться вслух: «Безобразие! Даже военнопленных так возить негоже!». Реагируя на бунтарские реплики, пограничники зло посверкивали очами.

В конце концов подали автобус, отвезли к самолету и оставили ждать у трапа. Кончилось и это ожидание, пассажиров пустили на борт лайнера. Нам южнокорейцы оплатили билеты первого класса. Вскоре после взлета началась кормежка. Сначала удостоились угощения члены резервного экипажа, также расположившиеся в первом классе. Но долго завидовать не пришлось. На протяжении полутора часов нам подносили разнообразные закуски, горячие блюда, фрукты, торты, кофе, воду. Рекой лилось спиртное.

Когда стрелки часов показывали полночь по московскому

времени, за иллюминаторами забрезжил рассвет. К трем ночи в глаза уже били яркие лучи солнца. Внизу обозначились в дымке горные цепи. Это Северо-Западный Китай. В душе колыхнулись ностальгические струнки: шесть лет не были в Поднебесной! Ближе к утру самолет начал спускаться в аэропорт Шанхая. В иллюминаторе показались квадраты полей и поселки из каменных двухэтажных домов. Никаких лесов. И сам город остался в стороне, лишь на горизонте мелькнуло несколько небоскребов.

После нашей посадки по летному полю задвигались люди в форме, на велосипедах и пешком. Мы расселись в убогом автобусе. Пасмурно, накрапывает дождь, ветер разносит приторные ароматы китайского влажного жаркого лета. После длительного пребывания в автобусе пассажиров почему-то вернули в самолет и велели ждать вылета там. Служащие чистили туалеты и салоны. В соответствии с традициями китайского казарменного социализма на каждого вкалывающего приходилось четверо-пятеро пассивных наблюдателей. Через иллюминаторы было видно, как местные представители встречали у трапа соседнего самолета каких-то важных иностранцев. Суетились, жестикулировали, радушно улыбались.

Но вот мы вновь в воздухе, летим над Желтым морем, плотно закрытым облаками. Натуля устала, укрылась одеялом, спит. Через полтора часа самолет приземлился в Сеуле. Аэропорт Кимпхо смотрелся лучше шанхайского, не говоря

уже о Шереметьево-I. Он выглядел современным, просторным, красивым и чистым. Таможенников мы и не заметили, пограничники (иммиграционные инспекторы) быстро обработали паспорта. Вышли в общий зал аэропорта, навстречу – Ким Ен Ман. Он несколько нервничал и стеснялся. Жестами пригласил на стоянку машин.

На улице стояла жара, но мы погодных неудобств не замечали, увлеклись наблюдениями за жизнью этой новой для нас страны. Стоянка, растянувшаяся на километр, была заполнена исключительно корейскими автомобилями. Заметив наше удивление, Ким Ен Ман разъяснил, что в Южной Корее принято пользоваться машинами отечественного производства. Для политического деятеля проехать на импортном авто равносильно самоубийству, на такую «вольность» могут решиться разве что звезды шоу-бизнеса.

Не увлекаются корейцы, добавил приятель, и другими иностранными товарами. Половина населения заявляет в ходе опросов общественного мнения, что никогда в жизни не купит ничего зарубежного. Лишь 1/3 предпочтет импорт, но только если он лучше местного аналога. И совсем уж меньшинство гоняется за иностранщиной. Почему так? В Корее, небольшой, да еще разделенной стране, постоянно третиравшейся сильными соседями, подобный патриотизм очень развит и абсолютно естествен.

Из аэропорта движемся черепашим темпом. Тогда пробок в Москве еще почти не было и сеульское половодье ма-

шин просто шокирует. Город исполосован первоклассными автострадами, но они забиты легковыми автомобилями, грузовиками, автобусами, мотоциклами. До центра добираться часа через два, проезжаем мимо добротных зданий, испещренных надписями на корейском, попадаются роскошные небоскребы. Много цветов и зелени.

Во многих государствах столичный город доминирует во всех областях, от политики до культуры. Но Сеул выделяется даже на фоне столь именитых конкурентов, как Париж или Лондон. В Сеуле проживает почти половина населения страны (для сравнения в Лондоне – 12 %, Париже – 4 %), в нем сосредоточены ведущие корпорации, университеты, театральные коллективы, исследовательские центры, спортивные клубы. В столице базируются почти все политики, чиновники, генералы, олигархи, звезды культурной и спортивной жизни. Концентрация людей, зданий, автомобилей и всего остального достигла в Сеуле такого уровня, что в XXI веке южнокорейские власти решили перенести столицу в другое место.

Мы рассматриваем из окон автомобиля этот современный, пульсирующий жизнью мегаполис и вспоминаем ранее прочитанное. Еще несколько десятков лет назад жители Сеула обходились без всякого транспорта, ходили пешком. Город состоял почти сплошь из одноэтажных построек, лишенных большинства удобств. Лишь в 1960-е годы в южнокорейской столице стали возводить многоэтажки, снабженные

лифтами, сануздами и отопительными системами. Причем на первых порах сеульцы боялись в них селиться.

Пока мы размышляем о прошлом и настоящем Сеула, Ким Ен Ман сворачивает в тихую улочку и наша машина упирается в ряды колючей проволоки и противотанковых заграждений. Полицейские в касках и с автоматами наперевес требуют, чтобы мы убирались с глаз долой. Это подступы к Голубому дворцу, офису и резиденции Президента РК. Данного объекта нет на туристских картах Сеула. Ведь северокорейские агенты как-то пытались взять дворец штурмом. Да и собственные «леваки» норовят нашкодить обитателям Голубого дворца.

Разворачиваемся и направляемся дальше на север, колесим по живописным холмам и, наконец, останавливаемся у пункта назначения, отеля «Рамада Олимпия». У входа встречают служащие, отвешивающие глубокие поклоны. Это их работа, кланяться каждому проходящему мимо. Далее – носильщик, регистрация, мэтр, прекрасный номер.

Мы в темпе распаковываемся и умываемся. Не успеваем закончить туалет, как появляется Ким Ен Ман. Передает массивную электрическую пишущую машинку и стопку бумаги. Велит к утру подготовить статью о первых впечатлениях от пребывания в Южной Корее. Но писать надо ночью, а пока ведет нас в ресторан, специализирующийся на местном деликатесе кальби. Это маринованные говяжьи ребрышки, которые жарятся прямо на столе клиента. К мясу прилагают-

ся листья салата, чеснок, специи и, конечно же, кимчхи.

Ким Ен Ман рассказывает, что одной из главных осенних забот корейских хозяек является заготовка кимчжан, зимнего кимчхи. Капусту и редьку солят, заправляют и укладывают в большие глиняные кувшины, которые по горлышко закапывают в землю, чтобы маринованные овощи могли храниться при низкой температуре. Приготовленные таким образом овощи можно есть всю зиму, и в прошлом кимчхи было основным источником витаминов в долгие холодные месяцы. В современных городских квартирах, где нет возможности хранить кимчхи традиционным способом, его держат в специальных герметических сосудах. Однако теперь, когда свежие овощи имеются в продаже круглый год, хозяйки готовят кимчхи на зиму в гораздо меньшем количестве и предпочитают более легкие рецепты быстрой закваски. А в сельской местности соседи до сих пор приветствуют друг друга вопросом: «Вы уже завершили заготовку кимчжана?».

Кстати, в последние годы мода на кимчхи выплеснулась на Запад. Считается, что это лакомство предотвращает многие недуги, даже рак! А Ким Ен Ман в тот вечер от кимчхи перешел к мясной теме. «Говядина, – заметил он, – любимое мясо корейцев. Как у китайцев свинина, а у японцев рыба. Кроме кальби мы обожаем пулькоги, это тонкие ломтики говядины, выдержанные в маринаде из соевого соуса, сезама, сахара, чеснока, зеленого лука, черного перца и тоже поджаренные на решетке».

«В целом, – продолжает Ким, – в корейской кухне огромное разнообразие блюд и приправ – от мягких до чрезвычайно острых. Есть похлебки из всякой всячины, много блюд из куриного мяса и свинины, очень популярны морские продукты – рыба, морские водоросли и капуста, кальмары, крабы, моллюски. При этом корейская кухня весьма полезна, в ней мало жиров и сахара. Правда, не все наши кушанья, особенно рыбные, нравятся иностранцам из-за специфических запаха, остроты и прочих вкусовых особенностей».

«Вообще, – констатировал Ким, – хоть мы и обожаем собственную кухню, жить без нее не в состоянии, но отдаем себе отчет в том, что она не может всех устроить, не является самой популярной в мире».

Пока мы рассуждаем на кулинарные темы, официантки сервируют стол. Перед каждым из нас ставят чашку с рисом, чашку с супом, кладут ложку, палочки. В центре стола размещают многочисленные закуски и специи – зерна сезама, чеснок, зеленый лук, зеленый перец, имбирь, редьку, красный перец в порошке и стручках, цуккини, обваленные в муке и яйце и тушеные в масле, рыбу, маринованную в рисовом вине, соус из квашеных бобов, побеги папоротника, грибы.

Одновременно одна из официанток жарит кальби на столе. По мере готовности угощает нас. Местные деликатесы запиваем слабенькой водкой соджу. Корейцы ее обожают и пьют за каждой трапезой, и мужчины, и женщины. Даже уличные торговки прямо на рабочем месте потягивают сод-

жу из микроскопических чашечек.

В Корее, как нам давно объяснили еще советские корейцы, рис принято есть ложками. Делать это палочками, как китайцы, японцы, вьетнамцы и некоторые другие азиатские народы, считается у корейцев плохой приметой, к безденежью. И палочки в Корее специфические. Не деревянные, как у других, а металлические, тонкие и длинные.

Пообедав, гуляем по округе. К вечеру стало прохладнее, дует свежий ветерок, напоенный ароматами жареной говядины и специй. Рестораны кальби в этом районе буквально на каждом шагу. И повсюду немало клиентов. А совсем недалеко отсюда, к северу от 38-й параллели, в КНДР люди мрут от голода. Их бы в эти деликатесные рестораны!

Ночью пишу статью в туалете, чтобы не разбудить Наташу. Пытаюсь напечатать текст на полученной от Ким Ен Мана электрической пишущей машинке. Она дымит и грозит воспламениться. Что делать? Спускаюсь в деловой центр отеля, отыскиваю там машинку и отстукиваю одним пальцем (только так и умею) статью. К двум ночи заказ выполнен, пытаюсь заснуть.

Ранним утром начинается экскурсия по городу. Сопровождает подруга нашего Кима Ким Хенг. «Учтите, – предупреждает Ким, – моя жена о ней не знает». Начинаем с осмотра Национального музея. Здание со скандальной репутацией. В колониальную эпоху японцы возвели его на холме перед королевским дворцом, чтобы закрыть вид из города

на дворец и тем самым унижить корейский трон. Хенг сообщает, что в стране идут жаркие дискуссии – одни требуют взорвать этот мерзкий осколок колониализма, другие предлагают перенести его на новое место, третьи предпочитают не трогать, оставить в качестве напоминания о национальном позоре. Забегая вперед, отметим, что в конце концов в 1998 году японское творение снесли, и теперь королевский дворец красуется на фоне города.

А мы, ознакомившись с экспонатами богатого Национального музея, переходим во дворец Кёнбоккун. Потом посещаем другие королевские дворцы – Чхандоккун, Чхангенкун, гуляем по Пивону (тайному саду) с его лесистыми склонами, заросшими лотосом прудами, извилистыми тропинками и ажурными павильонами. Архитектура в основе китайская, но более скромная, без особых претензий и излишеств, без размаха и блеска, присущих стилю Срединной империи. Сельские дворцы зато выигрывают благодаря буйной зелени. Во дворцах Пекина такой не увидишь.

Из дворцов перемещаемся в район антикварных магазинов Инсадон (в переводе «Безымянная деревня»). Узенькие улочки забиты старинными сундуками, вазами, подсвечниками, статуэтками, свитками, шкатулками, лампами, колокольчиками, веерами, тушницами, кисточками, барабанами и сотнями других диковинок. За руку здесь никто покупателя не хватает, но, как предупреждает Хенг, многие из товаров представляют собой современные подделки под стари-

ну. Надо проявлять бдительность, а то получишь ширпотреб по заоблачной цене. Но мы ничего не собираемся покупать, ограничиваемся наблюдением за уличной жизнью.

Заходим пообедать в традиционный корейский ресторан. У входа навалены груды обуви, добавляем к ним свою, про-скальзываем в уютный кабинет. Сидеть, правда, приходится на полу, поджав ноги под себя. Пока пытаемся освоиться в необычной позе, низкий стол заполняется обилием закусок. Я пострадал желудком уже после первого ужина, поэтому не без неприязни рассматриваю еду на столе и почти к ней не притрагиваюсь. В принципе, Южная Корея – чистая страна, общепит в ней на высоте во всех отношениях. Просто мне на старте не повезло, но больше такое никогда не повторялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.